

УДК 378

Е. В. Мурюкина

Таганрогский институт имени А. П. Чехова
филиал Ростовского государственного экономического университета

СИНТЕЗ МЕДИАКРИТИКИ И МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В ПРОЦЕССЕ АНАЛИЗА ПРЕССЫ В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ*

** Статья написана в рамках исследования при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ). Проект № 14-18-00014 «Синтез медиаобразования и медиакритики в процессе подготовки будущих педагогов», выполняемый в Таганрогском государственном институте управления и экономики.*

В статье приводятся примеры медиаобразовательных занятий со студентами с опорой на идеологический и философский анализ медиатекстов. Занятия направлены на развитие критического мышления и медиакомпетентности аудитории, навыков самостоятельного анализа медиа.

Synthesis of media criticism and media education in Russia in the process of analyzing the PRESS with students

The article provides examples of media education classes with students based on ideological and philosophical analysis of media texts. Classes are aimed at the development of critical thinking and media competence, self-audience analysis.

Под **идеологическим и философским анализом** понимается «анализ идеологических, философских аспектов медийной сферы» [2, с. 342]. Такой подход в проведении занятий, по мнению А.В. Федорова, полезен при определенных условиях. Он предполагает теоретическую подготовку аудитории, которую можно включить прямо в практику проблемного анализа информации (с условием предварительного общетеоретического знакомства аудитории с типичными целями и приемами манипулятивного воздействия медиа); выбор вида печатных изданий, на материале которых студенты будут развивать умения идеологического и философского анализа.

По нашему мнению, среди всего многообразия печатной продукции актуально обращение к политическим и литературно-художественным печатным периодическим изданиям. Обоснование этой позиции состоит в том, что в данных видах прессы наиболее ярко, «выпукло» проявляется авторская позиция, философская, идеологическая позиция медийного агентства. Поэтому анализ этих видов прессы будет наиболее эффективным с точки зрения умений анализировать медиатексты с опорой на идеологическую, философскую основу.

Литературно-аналитические творческие задания для идеологического и философского анализа медиатекстов в студенческой аудитории.

В качестве примера можно привести выполнение студентами следующего задания: описание и анализ конкретного эпизода из медиатекста на политическую тему, включая идеологию, философскую концепцию и т. д. Для занятия мы выбрали рассказ Р. Сенчина «Тоже история» [1].

Для того чтобы студентам было легче определить идеологическую концепцию, было предложено выявить тему, идею и сверхзадачу. Были созданы мини-группы, в которых студенты путем совместного обсуждения ответили на следующие вопросы (ответы лучше оформить в таблице, так как при групповом обсуждении их удобнее сравнивать, выявляя сходства и различия в трактовке концепции автора):

- «Какой круг явлений жизни очерчен автором?» – тема;
- «Каковы главная мысль и главное убеждение автора?» – идея;
- «Зачем этот медиатекст создан, чему автор хотел научить людей?» – сверхзадача.

сверхзадача.

После коллективного обсуждения студенты представили следующую таблицу. Затем они сформулировали идеологическую концепцию, заложенную автором, ответив на следующий вопрос: «Какие чувства, мысли вызвать, к каким действиям призвать?» (идеологическая, философская концепция).

**Идеологический анализ
рассказа Р. Сенчина «Тоже история» (2008)**

<i>Смысловые компоненты</i>	<i>Ответы</i>
Тема	В рассказе рассматривается жизнь современной России. Автором акцентируется внимание на политическом устройстве, его современном состоянии и перспективах. Для того, чтобы «затушевать» политизированность рассказа, автором вводится главный герой, который попадает (чередой случайных обстоятельств) в «водоворот» политического митинга.
Идея	Главная мысль и убеждение автора, что Россия движется к тоталитарному режиму, который внешне сходен (и всей своей сорокалетней научной работой главный персонаж рассказа это пытается доказать, так как он доктор исторических наук) с нацистским режимом. Автор рассказа проводит политические параллели с Белоруссией, с довоенной Германией и пр.

Смысловые компоненты	Ответы
Сверхзадача	<p>Автор через рассказ и судьбу главного персонажа пытается показать нам опасность политического положения России. Читатели должны осознать это (не почувствовать опасность, а именно понять ее). Но что дальше с этим знанием делать, автор и сам не знает! Потому что по логике развития событий в сюжете рассказа – уже поздно что-либо предпринимать: «...вы не знаете, какие истории начались. Теперь не шутят. И что с нами дальше сейчас делать будут – вопрос». Ключевая фраза медиатекста, в которой, по нашему мнению, и заключается сверхзадача автора: «На асфальте валялись бумажки-транспарантики, книжечки Конституции и почему-то много роз» (выделено студентами) – без комментариев...</p>
Идеологическая концепция	<p>В рассказе ярко выражена идеологическая и философская концепция автора. Наряду с этим отсутствует эмоциональная окрашенность событий, происходящих с героем – только физиологические признаки (похолодела спина и пр.). Можно говорить, что это сделано автором целенаправленно, так как он абстрагируется сам, абстрагирует своего героя (что несколько раз подчеркивается в тексте) и делает попытку намеренно абстрагировать читателя от чувств и эмоций и направить к холодному, здравому размышлению обо всем происходящем в стране. А эмоции и чувства, по мысли автора, мешают человеку сосредотачиваться, что бы отделить «зерна от плевел». Поэтому эмоционального восприятия медиатекста нет, герой с самого начала «не подпускает» к себе, в нем нет чего-то, за что могут «зацепиться эмоции и чувства», чтобы сформировать свою оценку, определиться с симпатией или антипатией к доктору исторических наук Николаю Дмитриевичу.</p> <p>Большую негативную реакцию у нас, современных студентов, вызывает высказываемое автором полное неприятие политического устройства в нашей стране, что как раз и является основным выражением идеологической концепции рассказа.</p> <p>Итак, идеологическая и философская основа рассказа просты: неприятие политического устройства России в крайней степени, отсюда постоянно возникают в тексте аналогии с Германией и Белоруссией. В тоже время в идеологической концепции, которую занимает автор, и как следствие, его герой, не просматривается любовь к Родине, чувство патриотизма, причастность к народу, истории своей страны.</p> <p>У нас как у читателей возник вопрос: нужны ли историки, ревностно изучающие историю других государств, и безразлично смотрящие в сторону своей Родины? Почему же нет аналогий с современным развитием других западных государств, внешняя политика которых сегодня весьма агрессивна, в том числе и в военном отношении?</p> <p>Если рассматривать сущность главного героя, то он предстает не в лучшем свете: прагматик без чувств и эмоций, зацикленный на себе, своей проблеме, пусть и научной. Апеллирование только к негативным фактам нашей истории ведет читателя к отторжению и неприятию героя с его жизненной позицией. Странно, что этот рассказ опубликован в журнале с таким оптимистичным названием, как «Дружба народов»...</p>

Таким образом, проведение представленного в качестве примера занятия, позволяет студентам определить идеологический замысел печатного медиатекста, а затем выйти на интерпретацию авторской позиции с точки зрения идеологического и философского анализа медиатекста.

Приведем пример другого занятия, направленного на анализ печатного медиатекста с точки зрения присутствия/отсутствия в нем попыток манипулятивного идеологического воздействия. Для его выполнения целесообразно организовать минигруппы. Чтобы студентам было проще анализировать манипулятивные приемы, можно предложить им разбить печатный медиатекст на основные блоки в соответствии со структурной конструкцией медиапроизведения (завязка, развитие действия, кульминация, развязка). Для идеологического анализа был выбран тот же рассказ Р. Сенчина «Тоже история» [2]. Автором сохранена стилистика творческой работы студентов.

Экспозиция:

«Николай Дмитриевич поставил портфель на стул. Выдохнул. Снял плащ, повесил его на витой крючок в стене. Сверху – кепку. Снова выдохнул. Уселся за небольшой круглый стол с пепельницей и салфетницей посередине. Чтобы не закурить, спрятал пепельницу за салфетки. В ожидании официантки смотрел в окно. Стекло было тонированное, и казалось, что на улице уже сумерки... Как обычно, после посещения книжного магазина голова была приятно-тяжелой, состояние, словно куда-то слетал, что-то даже не увидел, а уловил, и вернулся в родной мир немного другим».

Комментарии: С первых строк рассказа автор знакомит нас с главным героем, его привычками, даже побежденными недостатками – мы узнаем (но не буквально, а «считываем контекст»), что Николай Дмитриевич недавно бросил курить. Словосочетания «как обычно, после посещения книжного магазина» говорят о том, что он, скорее всего, человек умственного труда, который не просто посещает книжный магазин, а ищет там определенную, интересующую его литературу.

Итак, автор знакомит нас с героем, временем, обстоятельствами, в которых этот герой находится.

Завязка:

а) первый показ конфликта:

«Он приподнял чашку, губами втянул чуть-чуть кофе... Но именно тот период, примерно с восемьдесят шестого по девяносто шестой, и запомнился лучше всего... Отрезвление произошло после выборов президента, летом девяносто шестого. Точнее, во время выборов – между первым и вторым туром, когда по телевизору с утра до ночи транслировали агитмарафон в поддержку Ельцина...»

Лишь самое-самое задевало. Взрывы домов, добровольная отставка Ельцина, гибель “Курска”, заложники на Дубровке, в Беслане, отмена губернаторских выборов, взрыв в метро, недавний взрыв на шахте, когда разом погибло больше ста человек... И, кстати, книга, которую сегодня купил, вполне может помочь – подтвердить его вывод. Она ведь о том же, чем занимается Николай Дмитриевич, – о положении в Центральной Европе в период между Первой и Второй мировыми войнами...».

Комментарии: *Здесь мы встречаемся с таким манипулятивным приемом как «трансфер». Он заключается (в случае рассказа Р. Сенчина) в подборе только негативных фактов (теракты и т. д.), которые отражают, по мысли автора рассказа, несостоятельность государственной власти. Но главное, что автор подводит нас к выводу, что этого можно было избежать, если бы руководство отказалось от жесткого, тоталитарного стиля управления страной.*

Именно в этом эпизоде автор показывает первый конфликт героя – конфликт внутренний (на политической почве). Но линия развития конфликта не определяется – она не прямолинейна, нужно еще подумать, станет ли Николай Дмитриевич коммунистом, или его политические пристрастия проявятся каким-то иным образом... Здесь прослеживается больше внешняя заинтересованность героя, а не внутренняя тревога, так как он сумел приспособиться, абстрагироваться от того, что творилось со страной, чтобы заниматься делом своей жизни.

Ключевые эпизоды.

1) На углу Тверской и Пушкинской было спокойно... Была и молодежь – симпатичные девушки с фотоаппаратами-мыльницами, десятка два небойцовского вида парней... И тут же за его спиной возникли крупнотельные омовцы, встали цепью.

– Ну вот, – кольнуло Николая Дмитриевича; он попытался протиснуться между ними:

Разрешите!...

Да дайте пройти, в самом деле! – Николай Дмитриевич слегка надавил на плечо одного из крупнотельных и получил не то что бы толчок, а резкий, короткий, как удар тока, дерг. Отшатнулся...

Но взглянул в лицо одного омовца, другого и понял – не пропустят. Его просто не слышат. Обернулся. Толпа на углу стала плотнее...

2) Бессобытийное стояние утомило Николая Дмитриевича, стал донимать голод... Предстоял большой, плодотворный день, который грозит превратиться в пустой и нервный, и, главное, эта нервность может перекинуть-

ся на будущие дни. И тогда – прощай рабочий настрой, необходимая размеренность, отстраненность от окружающего... Домой, домой, в кабинет...

...Немая горстка без флагов, без транспарантов, если не считать нескольких листов формата А3... Так же почти, он слышал, выражают теперь протест в Белоруссии – собираются где-нибудь на тротуаре и стоят или молча, без лозунгов, ходят по городу. И в Германии году в тридцать пятом антифашисты таким образом показывали, что они еще существуют; и у нас троцкисты в конце двадцатых.

3) Но ситуация изменилась неожиданно и стремительно. Со стороны Елисейевского на Николая Дмитриевича обрушилась волна темных низеньких людей, а за ними катилась новая – голубовато-серая, высокая. И зазвучали сочные хлопки – пух! пух!

... так хлопают резиновые дубинки, опускаясь на согнутые спины. Было время, он часто слышал такие хлопки на московских улицах... Николай Дмитриевич лез вместе со всеми в узкий проход между домом и перекрытым спуском в метро, спина вспотела и горела в ожидании удара, в голове пульсировало: «Ну вот! Ну вот!» За мгновение из солидного, уважаемого человека, из профессора и доктора исторических наук, он превратился в одно из животных, которых куда-то погнали... Тут же получил по левой лопатке. Боли не почувствовал, но туловище противно, как не его, дернулось, кепка слетела с головы.

– Да что ж это?! – стал оборачиваться и получил еще. А потом его крепко взяли под мышки, потащили...

Николая Дмитриевича вели к стоящим вдоль тротуара «Уралам». Двери серых будок открыты, возле них мужчины в камуфляжах с каменными лицами и прозрачными, неживыми глазами. Как из фильмов про биороботов... Разговаривать, объяснять, ругаться бесполезно.

... М-да, абсурд, действительно. И когда он начался? С чего? Ведь еще лет пять назад... Нет, – остановил себя, – не надо сейчас вспоминать, анализировать. Потом.

Комментарии. В этих эпизодах описывается, как Николай Дмитриевич из просто случайного прохожего становится незаинтересованным участником митинга. И его отстраненность, к которой он так стремится, на время покинула его. Стечение обстоятельств – и он сидит задержанный в будке «Урала».

Здесь можно говорить о применении автором такого приема, как «оркестровка», так как его идеологическая концепция находит в тексте рассказа выражение в постоянном повторении сравнения политической ситуации в довоенной Германии и современной России. Как будто несанкционированные по-

литические митинги не разгоняют в современных демократических странах Запада...

Также еще одним из приемов манипулятивного воздействия на читателя является прием – «фигура умолчания». В ее качестве выступает депутат Государственной Думы Рыжков, под «эгидой» которого и состоялся митинг. В его фигуре, действиях, описанных в рассказе, прослеживается безысходность наравне с равнодушием по отношению к политической ситуации в стране. Эта фигура олицетворяет собой «немую оппозицию», больше создающую ее видимость, чем выполняющая ее реальные функции.

Находит применение и прием «селекции», в соответствии с которым автором подтасовываются факты, создающие тягостно-безысходное состояние России: неудавшийся митинг, арест сторонников (Г. Каспаров и др.), арест участников и случайных прохожих, произвол представителей власти (спецназ и пр.), видимо, должны, по мысли автора, создать у читателя негативное отношение к государственной власти в целом.

Кульминация.

«Расстегнул портфель, вынул книгу... Николай Дмитриевич забыл, где он, что с ним случилось. Читал известное с детства, но все равно интересное, захватывающее, как хороший детектив:

«В ночь на 27 февраля 1933 года купол Рейхстага осветился адскими языками пламени, здание пылало, как огромный кусок раскаленного угля, собрав вокруг толпу припозднившихся гуляк. Фюрера тотчас вызвали на место происшествия. Прибыв к дымящимся остаткам того, что только вчера было парламентом, Гитлер воскликнул: «Это знамение свыше... Теперь никто не помешает нам сокрушить коммунистов железным кулаком». Согласно официальной версии, поджог Рейхстага был «актом терроризма», преступлением коммунистов. Но в стране не было ни малейших признаков начинающегося восстания. Все было тихо. По давно составленным спискам были арестованы тысячи коммунистических и социал-демократических активистов – на сцене впервые появилось гестапо, и концентрационные лагеря приняли своих первых заключенных»...

А ведь у нас после Беслана подобное началось, – невольно пришло сравнение. – Не так резко, конечно. Но – выборы губернаторов отменили, даже президентов теперь назначают, оппозицию прижали окончательно, Дума ерундой занялась, лучше бы и не было... Да, похоже. И... и что тогда впереди? От этого жутковатого вопроса Николай Дмитриевич встряхнулся, словно пытаясь проснуться, спина снова стала холодной и влажной. «Неужели?»...

Комментарии.

По нашему мнению, это самая яркая, высшая, самая эмоциональная точка в развитии конфликта. Эту точку автор рассказа прокладывает через ретроспективный монтаж: описанных в книге событий 30–40 гг. прошлого века и современного состояния в Российской Федерации. Свою точку зрения он вкладывает в мысли (но не в слова !!!) главного героя.

Здесь можно наблюдать применение авторов следующих приемов манипулирования сознанием:

- «трансфера», по логике которого автором переносятся негативные тенденции, которые отмечались в предвоенной истории Германии, современной истории Белоруссии на Россию с ее «тоталитарным» правлением;

- «свидетельства», «ссылки на авторитеты» – приводятся ссылки на научную литературу, факты истории развития других государств, обладающих «признаками тоталитарного правления», герою «дается» ученая степень доктора исторических наук, подчеркивается длительность разработки научной проблемы, работа за границей. Все эти факты должны убедить читателя в правильности и научной обоснованности высказываемой точки зрения.

Развязка:

«– Простите, – тронули Николая Дмитриевича за плечо; он обернулся. Рядом сидел немолодой, с морщинистым лицом, мужчина. – Можно поинтересоваться, что читаете?»

Без удовольствия – общаться ни с кем не хотелось – Николай Дмитриевич показал обложку.

– «Гитлер, Инс. Как Британия и США создавали Третий рейх», – прочитал мужчина. – А «Инс», это что такое?

– Увеличение на единицу, с английского.

– Гм, опасное название. Очень.

– Почему?

– Да как – сейчас привезут, обыскивать будут. Могут за нее вам экстремизм повесить.

Николай Дмитриевич пожал плечами:

– Я эту книгу купил в государственном магазине. У меня чек сохранен. Не надо глупостей...

– Х-хе, – перебил усмешкой морщинистый, – это теперь ничего не значит. Им повод главное. Раструбят, что задержали с экстремистской литературой и – все. Затаскают. Моего знакомого за книгу о холокосте таскали... Советую как-нибудь... – Морщинистый поозирался. – Выбросьте от греха... Вы, я вижу, человек в этих делах неопытный, не знаете, какие истории начались. Теперь не шутят. И что с нами дальше сейчас делать будут – вопрос.

Комментарии.

В развязке рассказа также встречаются следующие приемы манипулятивного воздействия на аудиторию:

- «оркестровка», направленная на психологическое давление на читателей, заключающаяся в постоянном повторении фактов из истории довоенной Германии и проецировании их на политическое пространство современной России. Причем истинность этой точки зрения ничем не доказана, кроме того, что это субъективная точка зрения автора и его героя соответственно;

- «фигура умолчания», когда автором игнорируются все позитивные тенденции, произошедшие в России за последние годы.

Такими в рассказе предстают перед читателями современные времена в России. Именно развязка дает понять, что ничего хорошего, по мнению автора, нам «не грозит». От развязки «веет» беспросветным пессимизмом.

Таким образом, выполнение такого задания студентами способствует закреплению их умений структурного анализа печатных медиатекстов, а также развивает способности идеологического, философского анализа. Анализ точки зрения автора медиатекста с идеологической позиции помогает определить и собственную точку зрения на проблемы, которые поднимаются в произведении.

Список основных источников

1. Сенчин, Р. Тоже история / Р. Сенчин. – Дружба народов. – 2008. – № 2.
2. Федоров, А. В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза / А. В. Федоров. – М. : Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. – 616 с.